Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 1 (34). С. 71-75.

УДК 821.161.1.09 https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.1(34).66-70

Д.Б.Терешкина

«А ПОКУПАЮТ ГОЛУБЕЦЪ НА МОСКВѢ ПО ДЕШЕВОЙ ЦЕНѢ»: ГОЛУБОЙ ЦВЕТ В РУССКОЙ СЛОВЕСНОЙ КУЛЬТУРЕ

Предлагается анализ отражения в русской словесности голубого цвета. Обзор литературных произведений, имеющих в своем названии эпитет «голубой», позволил сделать вывод о чрезвычайном распространении этого цветообозначения в литературе XX в., особенно советского периода. С определением «голубой» прочно связаны представления о надежде, мечтах, устремлениях, целях, дальних странствиях и т.д. Более подробно анализируются три произведения русской литературы XX в.: повесть А.Гайдара «Голубая чашка», рассказы М.Пришвина «Голубая стрекоза» и В.Вересаева «Голубая комната». Голубой цвет в каждом из произведений несет разную смысловую нагрузку. Если в первых двух текстах голубой продолжает оставаться в рамках ожидаемых положительных ассоциаций и, более того, является символом обретения героями новых жизненных смыслов, то в рассказе В.Вересаева агрессивно обильный голубой становится отражением мещанства, приземленности героев, в «небесном голубом» усмотревших прежде всего его антонимичное, утилитарно-прикладное значение. Рассмотрение разных трактовок одного цвета в литературе видится перспективной и увлекательной научной задачей.

Ключевые слова: голубой цвет, лазурь, горний мир, надежда, символ

Изучение символики цвета у разных авторов имеет давнюю традицию в литературоведении. Использование разных цветов (красного, голубого, черного) Александром Блоком подробно исследовано Н.А.Фатеевой [1]; О.М.Буркова говорит о художественной роли синего и голубого цветов в поэзии С.Есенина [2]; эстетике цвета в поэзии Серебряного века в целом посвящена работа по философии Е.Г.Мещеряковой [3].

Наше внимание привлекла несколько иная сторона этого вопроса: цвет как таковой в словесности. Т.е. мы идем не от поэтики конкретного автора к истолкованию им цветовых характеристик образов, а от самого цвета в разных его интерпретациях в слове. И здесь статистический фактор играет немаловажную роль. Одним из наиболее частотных и вместе с тем поздних по времени появления в словесности является голубой цвет.

Голубой цвет — это «группа оттенков синего с небольшим смещением в сторону зелёного, таким, что ещё совсем нет ощущения зелёного оттенка, либо просто светлые оттенки тонов синего диапазона» [4]. Голубой «является успокаивающим цветом, способствует физическому и умственному расслаблению, создаёт атмосферу безопасности и доверия. Считается признаком творчества, его рекомендуют для учебных аудиторий и кабинетов. Характеристика: стремление к покою, гармонии с окружающими людьми и самим собой, к верности, к глубокомысленным рассуждениями» [5]. Этимология слова «голубой» не является определенной. Согласно словарю Макса Фасмера, «голубой» происходит от слова «голубь» «по синему отливу шейных перьев голубя» [6, с. 432].

Использование красок на Руси является чрезвычайно запутанным вопросом — хотя бы потому, что сохранившиеся до нашего времени рукописные источники, касающиеся техники и материалов по древнерусской живописи, в основном начинаются с XVI века, а именование красок в разных источниках очень различаются. «Словарь русского языка XI—XVII вв.» на слово «голубой» в значении голубого цвета приводит две цитаты, и обе они из поздних источников: из московских актов описи церковного имущества 1578 г. («Да ризы камка голуба соломинка, оплечье бархат на золоте» и из сочинении Аввакума «О сотворении мира…» 1672 г.: «Израстиша травы цветныя разными процветании: червоныя, лазоревыя, зеленыя, белыя, голубыя и иныя многия цветы пестры и пепелесы» [7]. Примечательно, что оба указания относятся либо к природному голубому цвету, либо к цвету ткани, для которых на Руси использовались растительные красители. Краски же, применяемые, например, в иконописи и фресковой живописи, были иными по происхождению — минеральными. Краски на Руси были почти все привозные и чрезвычайно дорогие. Цитата, вынесенная в название статьи, «А покупают голубец на Москве по дешевой цене», источником которой являются Акты Астраханской воеводской избы XVII в. (ФИРИ РАН, СПб., ф. 178), лишь доказывает тот факт, что голубец был везде чрезвычайно дорог, и лишь в Москве, куда импорт был широким, и только к концу древнерусского периода, голубец можно было купить дешевле. При Петре Первом в России появились собственные заводы и фабрики по производству красок, которых требовалось всё больше.

Голубцом, применявшимся в иконописи, русские называли минерал азурит. Азурит был немного дешевле лазурита, привозившегося из Афганистана, из которого делали ярко-сине-голубую краску лазорь. Минеральные красители, в отличие от растительных, давали, за счет кристаллов, необыкновенную прозрачность и светоносность, что полностью соответствовало предназначению и символике иконы. Со временем минеральные краски в иконописи лишь усиливали свои свойства. Голубой цвет применяли для изображения неба, одежд Богородицы, а также в качестве основы для других цветов, добиваясь небесного оттенка в зелени и других тонах. Голубой цвет в иконописи всегда имел исключительно положительное значение.

Использование голубого цвета в устном словесном народном творчестве не являлось предметом нашего специального изучения вследствие нехватки фактического материала: нам известно мало текстов (и все они — поздние по происхождению), где упоминается цветообозначение «голубой» (в народной поэзии чаще используется более определенный, входящий в постоянные эпитеты синий цвет («сине море», «синь-река», «синь-камень»). Согласно исследованию Н.Ю.Копытова, сделанного на материале песенной традиции Карагайского района Пермской области «голубой цвет, несмотря на его «идиллические» коннотации, в народном сознании часто связывается с неустойчивостью, неуравновешенностью, в частности, в интимных отношениях, потому что любая претенциозная голубая (односторонне положительная) характеристика так или иначе вызывает справедливое подозрение» [8]. Двойственность символики голубого цвета в фольклоре мы просто отмечаем как факт.

В литературу использование голубого цвета приходит наряду с открытием цвета как выражения эмоционального состояния героя или природы и как символа, прежде всего в эпоху романтизма. Голубой цветок стал символом немецкого романтизма — несомненно, после знаменитого, хотя и не завершенного романа Новалиса. А.Л.Вольский пишет: «Цвет для Новалиса — не чувственная категория, а философская. Высшим цветом является светло-голубой, цвет утреннего неба и “утреннего”, … т.е. мистического, познания» [9, с. 170]. В 1810 году был опубликован трактат И.Гёте «К теории цвета», оказавший глубинное влияние, в числе прочего, на прерафаэлитов, русского художника и философа Василия Кандинского и позволивший говорить о теории цвета не как физического явления, а как феномена его восприятия.

В русской литературе активное использование голубого цвета начинается с символистов. Конечно, особое значение голубого цвета находим и у русских романтиков (знаменитое лермонтовское «космическое» «Выхожу один я на дорогу, / Спит земля в сияньи голубом»), и в продолжении традиций прозы начала 20 века (произведения И.А.Бунина, повесть Бориса Зайцева «Голубая звезда»). В качестве значимой детали ультрамариновый цвет запечатлен в глазах поручика Говорухо-Отрока в повести Бориса Лавренева «Сорок первый». Но декларативно этот цвет заявил о себе, пожалуй, лишь в советское время. Стремление к плакатной наглядности образов породило в советской литературе большое количество произведений с символами «голубой мечты», «голубой планеты», «голубой птицы счастья», «голубых дорог» и т.д. Штампы перекочевали в названия литературных произведений. В достаточно случайной выборке произведений, имеющих в своем названии компонент «голубой» или его формы, по каталогу Новгородской областной научной библиотеки, дало неожиданные результаты. Было обнаружено более трех десятков названий, что превзошло наши ожидания. Следует отметить, что на поверку оказалось, что большинство произведений (прозаических и стихотворных) относится не только к второстепенным и даже третьестепенным текстам русской литературы XX в. в основном советского периода, но и к текстам, фактически не известным читателям. Любопытно отметить, что все эти издания поступали по нашему заказу из самого дальнего хранения и, судя по их состоянию, либо ни разу, либо очень редко попадали в руки читателей. Таковы, например, стихотворный сборник С.Рудаковой «Голубая ваза» (М., 1995), повесть о молодости томского прозаика Василия Афонина «Голубой период» (М., 1979), детектив Ч.Абдуллаева «Голубые ангелы» (Краснодар, 1991), повесть А.Баранова «Голубые дьяволы» о юных защитниках Моздока в годы Великой Отечественной войны (Орджоникидзе, 1980), роман-фэнтези Угрюмовых «Голубая кровь» (СПб., 2003), книга доктора химических наук Ю.Г.Чиркова «Голубая птица счастья» о средневековой истории (М., 1992), повесть И.Л.Никитина «Голубые дороги веков» об археологической экспедиции, раскапывающей стоянки первобытного человека на Плещеевом озере (М., 1968), и т.д. и т.п.

Среди всего списка произведений хотелось бы отметить весьма любопытную повесть советского художника и талантливого писателя А.П.Рогова «Голубой день», посвященную истории создания знаменитой картины Алексея Саврасова «Грачи прилетели». Согласно повествованию, Саврасов долго искал на Костромской земле место, где бы можно было написать самую что ни на есть русскую весну. И после долгих поисков понял, что писать надо самое простое, а главным будет голубой цвет, заливающий всё вокруг, с которого и начинается настоящая весна. Природа преподнесла ему этот день, и он начал писать, жадно и быстро. «Писал всё как есть, а сам в это время видел, как на большом холсте вместо этой рыжей непогоды зальет всё позавчерашней голубизной, чтобы она светилась, сияла и завораживала и наполняла каждого тем же, чем наполняет его. И ни одной нехарактерной для России детали. Ни одной. Лишь самое-самое. Включая веточки на снегу. И одна чтоб в клюве у грача. И чтоб чувствовались запахи сырой земли. А слева, над поповской избой, — дымок из трубы. Но главное — голубизна, сияние и свет, сияние и свет, каких ни у кого не было» [10, с. 42]. Открытие цвета и света словно заново, после иконописи, происходит в русской живописи с открытием обыденного пейзажа как такового. А в русской живописи конца XIX — начала XX вв. открытие голубого цвета произошло не менее ярко, чем в западноевропейском импрессионизме. Голубой цвет у Исаака Левитана, Виктора Борисова-Мусатова, Игоря Грабаря, Михаила Врубеля; десятками оттенков, в том числе смысловых, голубой цвет входил в цветовую палитру нового века. И не мог не влиять на литературу.

Мы остановимся лишь на трех самых, на наш взгляд, показательных текстах, в которых эпитет «голубой» находится в названии произведения.

Первое из них — «Голубая чашка» Аркадия Гайдара. Об этой повести уже немало сказано. Отмечены гайдаровский лиризм, «родниковая чистота» текста повести, новый тип конфликта, к которому обратился в этом произведении Гайдар, многослойность повествования [11]. В связи с нашей темой отметим лишь, что название повести, несомненно, является важнейшим символом в тексте, поскольку в сюжете голубая чашка не

играет сколько-нибудь важной роли. Голубая чашка, якобы разбитая героями, является материальным выражением назревавшего между отцом, дочерью и их матерью конфликта и мотивационным поводом их на нее обиды, толкнувшей отца и дочь на игровой уход из дома. Казавшийся изначально фатальным разлад в семье («разбитую чашку не склеишь») трансформируется в постижение героями другого смысла жизни: не «справедливости», а любви, не обиды и воздаяния, а безусловного прощения и милосердия к ближним. Оставив дома разбитую голубую чашку, герои попадают под купол голубого неба и в дороге, не без помощи встречающихся им на пути людей, словно постигают смысл жизни. Цветовые доминанты повести (голубизна неба, синева реки, золото полей, белизна облаков, сияние солнца, колхоз с названием «Рассвет») и композиционные (в том числе пространственно-временные) координаты изображения создают этот защищенный купол жизни, в котором, со своими бедами и радостями, живут такие же люди, умеющие ценить близкое и родное как самое дорогое в жизни (недаром мудрый старик предлагает героям самое прекрасное для него далёко, куда они могут дойти: это купол соснового бора, склонившегося над озером, — там живет его дочь и внук). Герои словно совершают этот путь «под небом голубым» и, уходя из дома, возвращаются к его началу, т.е. к началу их семьи, когда на привале они вспоминают, как их мама, санитарка Маруся, спасала отца во время гражданской войны, будучи совсем девчонкой. Здесь, вдали от дома, но в душевном озарении, обида переходит в жалость и любовь, а огромные масштабы мира (в повести всё масштабно, крупно) позволяют посмотреть на землю с высоты птичьего полета и понять ничтожность разногласий. Летчик-разлучник на серебристом самолете в голубом небе, ставший в конце рассказа «полуночным», т.е. тенью, коррелирует цветовой семантикой с разбитой, не без его помощи, голубой чашкой семейного благополучия. Но эта чашка, черепки которой отбрасывает ногой герой, вернувшийся вечером домой и обретший любовь и равновесие, восполняется голубой чашей бытия, хрупкое счастье которого, согласно всей поэтике гайдаровского творчества, — в руках самого человека.

Второе произведение являет собой пример полярного значения голубого цвета. Это рассказ В.Вересаева «Голубая комната».

Студент Мстислав из богатой семьи банкира влюбляется в девушку-телефонистку, соединявшую его с другом по телефону, по звуку ее голоса. Три месяца заочной любви переросли в настоящую, осязаемую любовь, несмотря на разницу в социальном положении. Зоя, светлая блондинка с ярко-синими глазами, быстро сошлась с матерью и лето уже жила на их богатой даче под Москвой. Мстислав сделал ей предложение, и Зоя с матерью начали готовиться к свадьбе. Они уезжали вместе в Москву и что-то совместно переделывали в доме. Наконец в августе привезли Мстислава в Москву и показали ему комнату, где ему предстояло жить с молодой женой. «Большая комната была отделана совершенно заново. Получилось очаровательное, уютное гнездышко для будущей молодой парочки. Зоя была блондинка, поэтому вся комната была голубая. Дорогие голубые обои, голубой фонарь под потолком, голубая обивка мебели, голубой ковер на всю комнату. Огромная двуспальная кровать была покрыта атласным одеялом цвета августовского неба» [12, с. 351]. Мстислав, пораженный не столько беспардонным вмешательством в его личное пространство (его вещи в его отсутствие убрали или переставили), сколько бьющей в глаза пошлостью обстановки, в которой ему предстояло жить, «потемнел», сообщил, что никогда не будет жить в этой комнате, «повернулся и ушел». К концу лета они расстались с возлюбленной. В ней было всё: голубые глаза цвета неба, которое он так любил, голос как ручеек, которым он заслушивался часами, красота «гетевской Гретхен». Но агрессивность голубого цвета, заполонившего всё пространство и вытеснившего его как личность, стала для него сигналом к переоценке человека, чья визуальная красота обратилась душевной черствостью и пошлостью себялюбия. Социальная бедность Зои оказалась прежде всего бедностью её внутреннего мира — и удивительно, как быстро это было воспринято матерью Мстислава — женщиной из интеллигентной семьи. Даже голубой цвет, если его чересчур много и если он дёшев, как «голубец на Москве», способен трансформироваться из цвета неба в цвет дешевого ситца, которым мещанство драпирует свою убогость.

Наконец, одно из самых проникновенных произведений, в названии которого есть голубой цвет, — рассказ М.Пришвина «Голубая стрекоза».

Автор-повествователь вспоминает времена Первой мировой войны, когда он приехал на фронт военным корреспондентом и совершенно потерялся среди страданий и крови. Почувствовал он себя нужным только когда стал перетаскивать раненых, помогать врачам и санитарам, укладывать уцелевших. Один тяжело раненый, совсем еще мальчик, попросил «водицы». «Я по первому слову раненого побежал за водой. Но он не пил и повторял мне: “Водицы, водицы, ручья”» [13, с. 412]. Рассказчик вместе с санитаром принесли раненого на берег ручья. Вечерняя вода журчала под склонившимся над ней цветами, а над водой летала голубая стрекоза. Увидев ее, раненый улыбнулся, поблагодарил своих благодетелей и продолжал следить за стрекозой. Он жил, пока она летала. И вот в какой-то момент он её не увидел, спросил, летает ли, а рассказчик, погруженный в свои мысли, ответил, не глядя, что летает. «”Почему же я не вижу?” — спросил он, с трудом открывая глаза. <…> Больной понял, что я его обманул, огорчился моим невниманием и молча закрыл глаза. Мне стало больно, и вдруг я увидел в чистой воде отражение летающей стрекозы. Мы не могли заметить ее на фоне темнеющего леса, но вода — эти глаза земли остаются светлыми, когда и стемнеет: эти глаза как будто видят во тьме. “Летает, летает!” — воскликнул я так решительно, так радостно, что больной сразу открыл глаза. И я ему показал отражение. И он улыбнулся» [13, с. 412-413]. Раненый мальчик выжил.

Название рассказа действует еще до того, как текст прочитан. Открывающее повествование описание ужасов войны и умирающего молодого солдата не может отвлечь читателя от главного ожидания: чуда с голубой стрекозой. Без чуда не было бы такого именования рассказа, и чудо происходит - такое, какие сотнями описывала вековая русская агиографическая литература. Только чудо происходило не от святынь и святых, а от самой жизни, природы, которая сама стала святыней.

Стрекоза остается голубой и в темноте, когда ее уже не видно. Здесь нелишне будет упомянуть, что голубой цвет, не являясь основным, во всех своих оттенках (небесно-голубом, серо-голубом, голубом с зеленоватым отливом, темно-голубом и т.д.) имеет в своем составе белый цвет — т.е. цвет света. Светоносность голубого цвета в рассказе имеет прежде символическое значение. Когда всё в природе потемнело и когда, казалось бы, всё замирало, уступая место ночи и мраку, стрекоза продолжала летать и нести свет и жизнь. Смерть словно отступила перед этим вечным движением. Цветовая синергия голубого живого существа, ставшего олицетворением движения и радости, с голубой гладью воды и отраженным в ней, как в глазах, небом словно возвращает веру в то, что жизнь возможна.

В русской словесности (как и в культуре в целом) голубой цвет связан с положительными коннотациями. Устоявшиеся выражения русского языка из семантического поля «голубые мечты/надежды» не кажутся необоснованными штампами. Хотя бы потому, что голубое небо, как лазурь в иконописи, представляется пространством горнего мира, недостижимого земной жизнью, но единственного, что придаёт ей смысл.

1. Фатеева Н.А. Три цвета: голубой, черный, красный. Поэзия А. Блока как источник интертекстуальных заимствований [Электр. ресурс]. URL: http://www.philol.msu.ru/~humlang/articles/blok.htm (дата обращения: 19.08.2020).
2. Буркова О.М. Художественно-изобразительная роль синего и голубого цветов в поэзии Сергея Есенина и ее переводах на белорусский язык // Lingua mobilis. 2011. № 2(28). С. 12-17.
3. Мещерина Е.Г. «Се красота из синего эфира…» (к проблеме эстетики цвета в поэзии Серебряного века) // Вестник Московского ун-та. Сер. 7. Философия. 2009. № 1. С. 63-90.
4. Голубой цвет [Электр. ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Голубой_цвет (дата обращения: 19.08.2020).
5. Широкая В.А. Цвет. Символика цвета [Электр. ресурс]. URL: https://shirokayavaleriya.wixsite.com/tsigh/post/_цвет (дата обращения: 19.08.2020).
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. С. 432.
7. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 4. М.: Наука, 1977. С. 70.
8. Копытов Н.Ю. К семантике фитонимических символов в фольклорных текстах [Электр. ресурс]. URL: https://ruthenia.ru/folklore/kopytov1.htm (дата обращения: 19.08.2020).
9. Вольский А.Л. Герменевтика символа «голубой цветок» в романе Новалиса «Генрих фон Остердинген» // Известия РГПУ им. А.И.Герцена. 2008. № 81. С. 168-175.
10. Рогов А.П. Голубой день: Повести. М., 2002. Роман-газета. № 1415.
11. Малышева О.К. Семантика эмоциональности в художественном пространстве рассказа А.П.Гайдара «Голубая чашка» // Молодой ученый. 2015. № 22.1. С. 202-204.
12. Вересаев В.В. Невыдуманные рассказы. М.: Худ.лит., 1968. С. 348-351.
13. Пришвин М. Голубая стрекоза / Антология русского советского рассказа (40-е годы). М.: Современник, 1987. С. 411-413.

References

1. Fateeva N.A. Tri tsveta: goluboy, chernyy, krasnyy. Poeziya A. Bloka kak istochnik intertekstual'nykh zaimstvovaniy [Three colours: blue, black, red. A.Blok's poetry as a source of intertextual borrowings]. Available at: http://www.philol.msu.ru/~humlang/articles/blok.htm (accessed: 19.08.2020).
2. Burkova O.M. Khudozhestvenno-izobrazitel'naya rol' sinego i golubogo tsvetov v poezii Sergeya Esenina i ee perevodakh na belorusskiy yazyk [Artistic and visualization role of dark blue and light blue colours in the poetry of Sergey Yesenin and its translations into the Belarusian language]. Lingua mobilis, 2011, no. 2(28), pp. 12-17.
3. Meshcherina E.G. "Se krasota iz sinego efira…" (k probleme estetiki tsveta v poezii Serebryanogo veka) [This is the Beauty Out Of Blue Air... (To The Problem of Aesthetics of Colour in the Poetry of The Silver Age)]. Vestnik Moskovskogo un-ta, Ser. 7, Filosofiya, 2009, no. 1, pp. 63-90.
4. Goluboy tsvet [Blue]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Goluboy_tsvet (accessed: 19.08.2020).
5. Shirokaya V.A. Tsvet. Simvolika tsveta [Colour. Symbolism of colour]. Available at: https://shirokayavaleriya.wixsite.com/tsigh/post/_tsvet (accessed: 19.08.2020).
6. Fasmer M. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka. Izd. 2-e [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, 1986, vol. 1, p. 432.
7. Slovar' russkogo yazyka XI—XVII vv. Vyp. 4. [Dictionary of the Russian language of the XI—XVII centuries, iss. 4]. Moscow, 1977, p. 70.
8. Kopytov N.Yu. K semantike fitonimicheskikh simvolov v fol'klornykh tekstakh [To the Semantics of Phytonymic Symbols in Folklore Texts]. Available at: https://ruthenia.ru/folklore/kopytov1.htm (accessed: 19.08.2020).
9. Vol'skiy A.L. Germenevtika simvola "goluboy tsvetok" v romane Novalisa "Genrikh fon Osterdingen" [Hermeneutics of the symbol "blue flower" in Novalis' novel 'Heinrich von Osterdingen']. Izvestiya RGPU im. A.I.Gertsena, 2008, no. 81, pp. 168-175.
10. Rogov A.P. Goluboy den': Povesti [Blue day: short novels]. Moscow, 2002. Roman-gazeta, no. 1415.
11. Malysheva O.K. Semantika emotsional'nosti v khudozhestvennom prostranstve rasskaza A.P.Gaydara "Golubaya chashka" [Semantics of emotions in the artistic space of the story of A.P.Gaidar "Blue cup"]. Molodoy uchenyy, 2015, no. 22.1, pp. 202-204.
12. Veresaev V.V. Nevydumannye rasskazy [True stories]. Moscow, 1968, pp. 348-351.
13. Prishvin M. Golubaya strekoza / Antologiya russkogo sovetskogo rasskaza (40-e gody) [Blue dragonfly / Anthology of the Russian Soviet story (1940s)]. Moscow, 1987, pp. 411-413.

Tereshkina D.B. “Azurite in Moscow is cheap”: a blue colour in Russian word culture. The article offers an analysis of the reflection of blue in Russian literature. A review of literary works that have the epithet “blue” in their title led to the conclusion that this colour naming is very popular in the literature of the XX century, especially in the Soviet period. The definition of “blue” is strongly linked to the idea of hope, dreams, aspirations, goals, distant travels, etc. Three works of Russian literature of the XX century are analyzed in detail: the story of A.Gaidar “The Blue Cup”, the stories of M.Prishvin “The Blue Dragonfly” and V.Veresaev “The Blue Room”. The blue colour in each of the works carries a different meaning. If in the first two texts, blue continues to remain within the expected positive associations and, moreover, is a symbol of the characters' new life meanings, then in the story of V.Veresaev rich blue becomes a reflection of philistinism, the earthiness of the characters, who saw in “sky blue” first of all its antonymic, utilitarian, and pragmatic meaning. Analysing different interpretations of the same colour in the literature is seen as a promising and exciting research task.

Keywords: blue colour, sky blue, heavenly world, hope, symbol.

Сведения об авторе. Дарья Борисовна Терешкина — доктор филол. наук, профессор кафедры кадровой политики и управления персоналом, Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ (Новгородский филиал); ORCID: 0000-0002-2079-1116; terdb@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.12.2020. Принята к публикации 10.01.2021.

Ссылка на эту статью: Терешкина Д.Б. «А покупают голубецъ на Москвѣ по дешевой ценѣ»: голубой цвет в русской словесной культуре // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 1(34). С. 71-75. doi: 10.34680/2411-7951.2021.1(34).66-70

For citation: Tereshkina D.B. “Azurite in Moscow is cheap”: a blue colour in Russian word culture. Memoirs of NovSU, 2021, no. 1(34), pp. 71-75. doi: 10.34680/2411-7951.2021.1(34).66-70